

Светлана Кекова. Солдатская трава. —
Саратов: Издательство «КУБиК», 2020. — 168 с.

Светлана Кекова. Любви исцеляющий взгляд.— Саратов:
Издательство «Амирит», 2020.— 196 с. + 24 с. илл.

Две новые книги Светланы Кековой вышли в Саратове к исходу десятых годов в малоизвестных издательствах. В этих заметках я сосредоточусь прежде всего на том, как автор «Солдатской травы» и «Любви исцеляющего взгляда» выстраивает свои отношения со временем.

Понимаю, что глагол «выстраивает», когда применяется в отношении поэта Светланы Кековой, сразу же требует оговорок. Мы часто слышим о строительстве писательских биографий и застройщиках литпроцесса. О том, что литератор выстраивает стратегии

(издательские, гастрольные, самопиаровские, премиальные и т.п.). В случае с Кековой речь идет скорее о «муравьином строительстве».

Ее читатель с многолетним стажем помнит, что уже с первой журнальной публикации ему предлагалось вооружиться увеличительным стеклом («Пространство выгнуто, как парус, — /езде закон его таков,/и составляют верхний ярус/большие лица мотыльков»). Поэтический взгляд Кековой часто смотрит на мир «сквозь волшебный прибор Левенгука».

За много лет мы привыкли к тому, что лирика Светланы Кековой дает нам утешительные ответы во времена неутешительных новостей. Я бы отметил еще и «утишительный» (как если бы возможно было прилагательное от слова «утишить») эффект. Речь не только об умиротворяющем моменте (и о мотиве «миротворчества»), но и о том, что в этой поэтической системе координат приглушается громкость, смягчается резкость, убавляется скорость. Эта «утишительная» роль стихов Кековой восходит к поговорке «Тише едешь — дальше будешь». Здесь тише движется и время. Его способность замедляться давно интересует автора книги «Песочные часы». Предполагаю, что об этом свойстве времени (дающего дополнительный шанс запыхавшемуся и опаздывающему человеку) Светлана Кекова еще выскажется в своих работах на тему «Священная реальность русской словесности» (под таким названием у нее в соавторстве с филологом Русланом Измайловым вышла книга статей в 2019 году).

Если нашей проблемой становится потерянное, утраченное время, то нашей радостью может быть не просто обретенное, но и внезапно найденное, чудесно добавленное время. (Этот подарок — как растянувшиеся последние секунды (в финале баскетбольного турнира мюнхенской Олимпиады), которых хватило для победного броска Александра Белова.)

Если враг рода человеческого создает ситуацию цейтнота, то поддержка со стороны светлых сил заключается в том, что время еще есть.

В книге «Солдатская трава» есть важное стихотворение «Я встречаю, как старых знакомых...». Здесь поэтическое пространство Кековой, заполненное пижмой, ивой, подорожником, заливом скувшинками и рыбами, впускает газетную лексику

(«парламентская сводка» во второй строфе), публицистический мотив (в третьей строфе):

*И становится влага рябою,
отдыхая под купольным сводом...
Я по принципу дальнего боя
говорю со страной и народом.*

Кажется, еще чуть-чуть — и автор в этом «дальнем бою» подставится под злопыхательные упреки: вот и у Кековой — в заливе, под купольным сводом — проклюнулась политическая риторика. Извиняйте, что возбудились понапрасну. Когда кажется — вы знаете, что делать...

Признание, прозвучавшее в этой строфе, важно правильно артикулировать. Автор не отдаляет и не отделяет себя от страны и народа. Напротив, поэт подчеркивает, что именно со страной и народом ведет разговор. Не только с заболоцковедами, орнитологами, ихтиологами, энтомологами, как кому-то казалось. И уж тем более — не с теми рифмующими эльфами, для которых страна ограничивается фестивальной площадкой или премиальным распределителем.

Что означает у Кековой «принцип дальнего боя»?

Вспомним, как Бродский высказался о мандельштамовской «Оде» 1937 года в беседах с Соломоном Волковым: «Там есть и совершенно другое. Знаете, как бывало в России на базаре, когда к тебе подходила цыганка, брала за пуговицу и, заглядывая в глаза, говорила: «Хошь, погадаю?» Что она делала, ныряя вам в морду? Она нарушала территориальный императив! Потому что иначе — кто ж согласится, кто ж подаст? Так вот, Мандельштам в своей «Оде» проделал примерно тот же трюк. То есть он нарушил дистанцию, нарушил именно этот самый территориальный императив. И результат — самый фантастический».

Лирическая героиня (да и сама Кекова) не стремится слиться с толпой, не участвует в народных гуляниях и национальных забавах (будь то политические протесты или интеллигентские флешмобы, коллективные негодования или всякие «возьмемся за руки, друзья»), не пытается приблизиться к влиятельным

стратам. Для нее это всё — элементы ближнего боя. Или нарушение «территориального императива», если угодно.

Под «дальнобойностью» этой лирики следует понимать вот что. На оси абсцисс в системе координат Светланы Кековой откладывается время (всё как в школьной задачке). Траектория полета ее посланий такова, что к настоящему времени они не всегда обращены, часто «перелетают» его. Многие стихи Кековой — скорее, для окончания времен. Некоторые из них — о полноте времен.

Для понимания поэтики Кековой важны некоторые настройки. Они подсказаны читателю в книге Руслана Измайлова «Топос. Хронос. Кайрос»: «Мысль о том, что хронотопичен всякий художественный образ, язык, внутренняя форма слова, выводит нас на необозримый простор, включающий и мир произведения, и мир автора, и мир читателя, и вообще весь мир, данный нам в языке, то есть всё сущее для человека, осмысленное и осмысляемое». И далее: «Иконическое время и пространство являют собой своего рода «сакральный хронотоп», где время и пространство связаны не только с собой, но с вечностью».

Поэт Светлана Кекова, в отличие от некоторых вездесущих современников-стихотворцев, профанирующих христианскую тематику, но при этом пытающихся здесь и сейчас монетизировать эту профанацию (подлые времена и оскверненные местности выдвигают рифмующих блогеров-психиатров, провозглашающих себя «религиозными мыслителями»), не палит из пушек по воробьям. Она, скорее, почтовых голубей запускает.

У Кековой есть стихотворные циклы, которые можно отнести к прустовскому мотиву — «обретённое время». Но есть и другие ответвления. Условно говоря, это темы «обречённое время» (от давнего стихотворения «К городам пробирается скверна...» до сравнительно нового «Мы плывём на бессмертном «Титанике»...») и «отменённое время».

*И опять поднимаешься в гору ты,
чтоб не сыпалась жизнь, как труха:
животы циферблатов распороты,
обнажились часов потроха.*

(«Нет уже ни пространства, ни времени...»)

В отношениях поэта со временем, в «принципе дальнего боя» важно не только то, в какую точку упомянутой выше оси абсцисс попадает стихотворное послание.

Сделаю одно предположение (хотя не уверен, что Светлана Кекова согласится с ним). Примем за аксиому известное высказывание Бродского: «Поэзия суть существование души...» У Светланы Кековой были стихотворные циклы и книги, которые отражают работу души во время Великого поста. А «Солдатская трава» соответствует душевному состоянию, скажем, при чтении молитвы задержания, молитвы Честному Кресту («Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»), при подготовке к исповеди, при чтении Канона покаянного... Многие стихотворения в книге «Любви исцеляющий взгляд» ориентированы на состояние души во время литургии и (некоторые из них) во время совершения Евхаристии.

Предположу также, что в системе координат Светланы Кековой мандельштамовский лирический «выпрямительный вдох», момент истины и поэтической свободы связаны с выражением «Премудрость, прости» (Σοφία! Ὁρθοί!). То есть с моментом, когда христианин должен быть прямо стоящим, внимая Писанию. Стоящим не просто прямо, а не таясь. Речь также о выпрямлении перед финальной молитвой литургии. «Прости» — это не только о прямоте, но и об открытости и сосредоточенности. Об освобождении от долгов и грехов (глагол «выпростать» означает «освободить»).

Вспомним, что и свобода ломоносовского кузнечика («Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...») соотносится с отсутствием долгового бремени: «Не просишь ни о чем, не должен никому». У Александра Кушнера: «И отяжелеет кузнечик./Кузнечик, не отяжелей!»¹

А теперь вернемся к тексту стихотворения «Я встречаю, как старых знакомых...»

¹ Стихотворение Кушнера «И ужасы ждут на дороге...» отсылает к 12 главе Екклезиаста («И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс»).

Молчаливо внимает округа,
что изрезано небо стрижами,
что мозаика летнего луга
вторит небу с его витражами

и речному заливу, в котором
облака кучевые озябли,
что, снабжённые новым мотором,
проплывают стрекоз дирижабли

над цветами, над водною гладью,
наблюдая (какая нелепость),
что в лесу муравьиною ратью
взята приступом новая крепость.

К чему нас подводит этот длинный синтаксический период?
Куда нацелен дальнобойный лирический заряд?

Процитирую вторую половину стихотворения полностью:

И волны набегающий рокот
слово скроет, молчание — спрячет...
Что мой поздний пронзительный опыт
в этом мире сияющем значит?

Что там дремлет в словах необидных,
словно спящая влага в сосуде?
Солнце село. В домах глинобитных
притаились усталые люди.

В ореоле незримого света,
под покровом Господней Любви
видят люди сквозь марево лета
реки тихие льющейся крови.

Ставят тонкие белые свечи —
и становится гибель венчаньем.
Что мои недостойные речи
Рядом с этим великим молчаньем?

*И горят, словно свечи, берёзы
над распахнутой свежей могилой...*

*Наша жизнь — лишь молитва сквозь слёзы:
«Матерь Божья, спаси и помилуй!»*

Напомню, что стихотворение начиналось с пижмы, ивы, подорожника на берегу, с кувшинок и рыб в заливе... И где и чем заканчивается этот «дальний бой»?

Книга «Солдатская трава» — о времени Ч, когда человеку надлежит стоять прямо (в том понимании «пряmostояния», о котором сказано выше), о достоинстве как таковом.

Вот стихотворение, давшее название книге. (Оно было опубликовано еще лет двадцать назад. Но именно это стихотворение сегодня воспринимается итоговым для завершившихся десятых годов.)

Солдатская трава

*Не лодырь, не завистник,
сухая голова, —
цветёт тысячелистник —
солдатская трава.
Роса на хвойных лапах
как слёзы маяты...
Но этот горький запах
и мелкие цветы,
зелёно-серый стебель
среди лесных шпалер...
А рядом — то фельдфебель,
то унтер-офицер.
Жужжит комар-безбожник
и трутень-атеист,
скрывает подорожник
невинно-нежный лист;
но он глядит с любовью
сквозь призрачную синь
туда, где долю вдовью
клянёт трава-полынь.*

Тысячелистник — образец «прямостояния», которое требуется при словах «Премудрость, прѳости» (Σοφία! Ὁρθοί!). Солдатская трава не только врачует раны (и тем самым рифмуется с поэзией, напоминая о важном ее назначении, по Баратынскому: «Болящий дух врачует песнопенье»). Она свидетельствует о сохранении и обретении достоинства. Тысячелистник держит осанку и сохраняет спокойствие в окружении комара-безбожника и трутня-атеиста, фельдфебеля и унтер-офицера.

У придирчивого читателя может возникнуть вопрос: почему поэтом упомянуты в одном ряду фельдфебель и унтер-офицер, которые, по сути, одно и то же? Объясню. Фельдфебель — это вездесущая «либеральная полевая жандармерия». Это фаншели и фанайловы, присосавшиеся к поэзии. Любое мнение коллег по актуальным вопросам, идущее вразрез с установками их либерального обкома, любая жизненная позиция, раздражающая их, вызывают такую зловонную реакцию, что и аруму впору просить «у болота милостыни».

В свою очередь, унтер-офицер — это такой казенный патриот, который хотел бы вечно кормиться с патриотизма.

Я говорю не о том, что подразумевала Кекова. Здесь речь о том, что имею в виду я. Мы ведь вправе и интерпретировать стихи «по принципу дальнего боя».

«Жизнь наша кочевая, а память оседлая», — писал Пруст (не помню, в чьем переводе: кочевая жизнь не позволяет сверить цитату). Я хорошо помню, какую травлю Светлане Кековой устраивала эта самая «либеральная жандармерия» после какого-то литературного вечера. Как возбудились на ее стихотворение «В Киеве уже цветут каштаны...» (написано в мае 2014 года, вошло в книгу «Солдатская трава») носители светлых лиц от Одессы до Нью-Йорка — литературные пенсионеры Госдепа и унылые местечковые стукачи.

*Наточила лезвия осока,
и в лампадах кончился елей,
залита земля Юго-Востока
кровью этих самых москалей.*

*Сквозь вселенский ужас украинский
видно, как с ухмылкой воровской
медленно колдует пан Бжезинский
над великой шахматной доской.*

Прогрессивная часть литературной общественности так оскорбилась за Збигнева Бжезинского, как если бы он был ее главным божеством.

Почему от Кековой «прилетело» Бжезинскому? Во-первых, в начале 2014 года Бжезинский настойчиво совал нос во внутренние дела Украины и успокоился только тогда, когда там развязалась гражданская война. Во-вторых, еще раньше он высказывался недвусмысленно: «Теперь у нас остался один враг — православная церковь». Никто за язык не тянул. Цель определена, в сражение ввязался? «По принципу дальнего боя» получил ответ от Светланы Кековой. Откат нормальный.

Конечно же, поэту Кековой не хотелось бы ничего знать о Бжезинском с его «Великой шахматной доской». Ей привычней — о других шахматах. Например, в стихотворении «В предместьях Берлина звучала шарманка...» (книга «Любви исцеляющий взгляд»):

*Был мир, как окно перед смертью, распахнут,
и смутно я видела: где-то вдали
резные фигуры набоковских шахмат
в смешных сюртуках по обочине шли.*

*Сквозь поздние слёзы (куда же их денешь),
сквозь взрослую правду и детскую ложь
ты видишь: уже ничего не изменишь
и словом своим никого не спасёшь.*

*Ты знаешь ли, сколько словесных жемчужин
разбросано в мире под хохот и свист?
Спроси у соседа: кому же он нужен —
набоковский Лужин, слепой шахматист?*

Нередко у Кековой подобные риторические вопросы обращены к кому-то, чему-то, совсем не защищенному. В нулевые годы было написано: «Что ж ты плачешь, учитель словесности,/Над последней своей запятой?»

Этот учитель словесности, этот набоковский слепой шахматист — напоминание об уязвимости и уязвленности поэзии, над которой берет верх «... угу-литература».

У Кековой немало стихов о назначении поэзии. Ее представления об *Ars Poetica* согласуются с установками Владимира Вейдле в книге «Умирание искусства».²

Книга Вейдле, с ее композицией, с соседствующими главами «Умирание искусства» и «Возрождение чудесного», с датой завершения (Страстная Суббота, 1935) значит для Светланы Кековой не меньше, чем стихотворные сборники Заболоцкого и Тарковского.

В стихотворении «О мгновенье меж Рыбой и Овном...» (книга «Любви исцеляющий взгляд») находим одно из косвенных

² «В мастерской, при помощи всех тех инструментов, какими работало искусство, изготавливаются сложнейшие механизмы, при виде которых рассыпается в прах мечта о чистой поэзии. Капище разрушено. На его месте не будет ничего, и развалины порастут травой, если религия, веками оторванная от искусства, не введет его снова в свой подлинный, нерушимый храм; если искусство, блуждающее в бездорожье, не вспомнит о родине, покинутой так давно, не обретет оправдания в религии».

«Умаление чуда, аналитическое разъяснение его само по себе уже есть гибель творчества».

«Потерянный рай первобытности — как детства — вовсе не розов, не идилличен; в нем есть и зло, и страх, и боль; он рай лишь по сравнению с адом практической и разумной бездуховности. Если все неудержимей к нему тянется, его взыскует современный человек, то не потому, что ждет от него забав и перемен, а потому, что видит просвечивающую в нем, в мире современном ущербную, правду и свободу».

«Метафоры и другие тропы в поэзии — отнюдь не украшения... они — свидетельства о метафоричности предстоящего поэту мира, о конечном единстве всего сущего».

определений поэзии. Кекова исподволь и незаметно подводит читателя к этому. Сначала она едва ли не декларирует отказ от настоящего («формального») времени (Хроноса): «Жизнь повсюду течёт как придётся — и не будем о ней говорить». Автора интересует не «как придётся», а — как должно быть. Настоящему времени (и текущим событиям), как уже отмечалось, отведена книга «Солдатская трава». А «Любви исцеляющий взгляд» ловит приметы «подлинного времени» (Кайроса).

В середине стихотворения автор переходит к тому, что достойно внимания, заслуживает разговора и лирических рефлексий:

*Так о чём? О сиянии алом,
что сквозит в золотых облаках,
о свиданьях за пыльным вокзалом,
о синице в дрожащих руках,*

*о смиренной, как ангелы, глине,
из которой нас вылепил Бог,
и об этой ликующей сини —
нашем праве на выдох и вдох.*

А теперь можно вернуться к стихотворению «В предместьях Берлина звучала шарманка...». К чему отсылает вопрос «Кому же он нужен... слепой шахматист?» Что напоминает?..

Разве не тем же вопросом, почти дословно, задавался Георгий Адамович в «Комментариях»?

Вот что он писал «в оправдание стихов»:

«Но ведь стихи всегда беззащитны. По совести: кому они нужны, в жизни, для «жизнетворчества», для работы и бодрости, — кому? Все идет мимо. Не будем же лгать, оставшись с глазу на глаз: это — лунное, тихое дело, не надо на него нападать. Это — два слова там, два слова здесь, — еле заметно, не всегда внятно, — которые два сердца, два слуха то здесь, то там уловят. Прогресса не было в поэзии, не будет и упадка. Два слова, две-три струны, будто задетые ветром. И ничего больше. Остальное — для отвода глаз, для прикрытия слишком беспомощно-нежной сущности, и ничего больше. Круговой поручкой мы это знаем,

и даже, пожалуй, чем дальше, тем лучше знаем. Сейчас я ошибся и не то сказал: прогресс есть. Человек учится выбирать и ощущать, время точит душу, поэзия освобождается от трескотни, становится чище и тише. Другого ничего не может быть, не должно быть. Критические фельетоны об упадке необходимы, потому что иначе, без этого общего склада и стиля, нельзя жить: здесь нельзя жить. Но поэзия не здесь, а туда и оттуда. Кроме того: есть у человека дневные мысли и есть ночные... Узкий дымок. Два-три слова, которые мы всё-таки лучше слышим теперь, чем сто лет тому назад».